

ЕВГЕНИЙ
ЛУКИН

ТРУЖЕНИКИ
ЗАЗЕРКАЛЬЯ

ЗВЕЗДАНЫЙ

ЛАБИРИНТ

Евгений Юрьевич Лукин

Труженики Зазеркалья

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=156784

Аннотация

В повести идет речь о мире, который раскинулся по ту сторону стеклянной плоскости зеркала. Там живут такие же люди, которые трудятся ради того, чтобы люди могли видеть свое отражение и не только...

Автор предложил свое объяснение поверью, почему не стоит смотреть в осколки зеркал...

Содержание

Отражение # 1	8
Отражение # 2	14
Отражение # 3	21
Отражение # 4	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Евгений Лукин

Труженики зазеркалья

Дорогие читатели мужского пола! Вспомните, сколько раз вы снисходительно усмехались, услышав исполненный ужаса женский возглас: «Господи, ну и морда у меня в этом зеркале!...» Зря усмехались, зря. Женщины вообще приметливее мужчин. И это их восклицание – лишнее тому свидетельство. Да! Представьте себе, что из каждого зеркала на вас и впрямь взирает совершенно иное отражение. Видите, какая разная складка губ, линия лба, рисунок морщин наконец? Собственно, так и должно быть. Одно отражение – талантливо, другое – не очень, а третьему вы просто не нравитесь...

Любители бесчисленных историй о том, как некий персонаж, пройдя сквозь зеркало, оказывается в симметрично опрокинутом мире, где логика становится абсурдом, а добро злом, вероятно, будут разочарованы истинным положением дел. Не такой уж он и опрокинутый, этот мир, а зеркальную грань, что бы там ни утверждал мистер Доджсон, человеку преодолеть не дано.

Разве что с помощью молотка.

Запомните это накрепко.

Почему-то принято считать, что миров всего два: один по ту сторону стекла, другой – по эту, хотя с помощью пары зеркал легко убедиться в существовании бесчисленной череды

зазеркалий, каждое из которых (здесь вам придется поверить мне на слово) пребывает в точно такой же изоляции.

Все они, как говорят, устроены примерно одинаково, поэтому ограничусь кратким описанием ближайшего к нам мира:

То, что мы с вами наблюдаем в раме «говорящего правду стекла», именуется рабочим или пограничным зазеркальем. Внешне оно – копия нашей реальности, однако по сути представляет собой лишь внутренность расцвеченной скорлупки, за которой начинается собственно зазеркалье (или глубокое зазеркалье), куда уже взглядом не проникнешь при всем желании.

Живописать эти незримые для нас области – задача весьма неблагодарная, поскольку с каждой новой подробностью картина делается все менее представимой.

Однако, попробую...

Освещение там – как в пасмурный день, когда стальное солнце едва проглядывает сквозь ровный тонкий слой облаков. Ничего конкретного – все смазано, размыто. Подчас трудно понять, где верх, где низ. Единственный ориентир – радужный и как бы дымящийся шар, некое подобие громадного светила, которое, впрочем, не светит. Если поглядеть на него подольше и попристальнее, станет заметно, что тускло-радужный гигант шевелится на манер муравейника, меняет форму, оттенки, выбрасывает протуберанцы – все это, конечно, с чудовищной медлительностью...

Именно так выглядит издали биржа отражений. Сравнение с муравейником страдает неточностью – скорее она похожа на плотный пчелиный рой. Каждый день на Земле умирает чертова уйма народу, бьется не меньшее количество зеркал – и осиротевшие отражения тут же устремляются на биржу в поисках новой работы. Как ни странно, для них это тоже вопрос жизни и смерти, ибо в отрыве от зеркала долго не протянешь.

Наблюдать биржу можно практически отовсюду. Считается, что местоположение ее приблизительно соответствует центру глубокого зазеркалья. На самом деле кипящий страстями шар постоянно и незаметно кочует по непредсказуемой траектории. Точь-в-точь как магнитный полюс Земли.

Кроме старожилов, толкуются на бирже и отражения с улицы: из прудов, из колодцев. Удивительно, что при таком наплыве жаждущих работы псевдосветило еще не разбухло до размеров вселенной. Этому феномену есть два объяснения. Не берусь судить, насколько они противоречат друг другу. Первое: иные физические законы, когда большее со всеми удобствами умещается в меньшем. И второе: вместе с биржей расширяется и само зазеркалье...

Прочие объекты не столь величественны. В огромное и вроде бы запыленное пространство вмонтированы в беспорядке сложные геометрические тела преимущественно прямоугольных очертаний, – то ли отлитые из металла, то ли отштампованные из тусклой фольги, – каждое размером с

комнату. Собственно, это и есть отражения комнат. Так они смотрятся извне.

При всей своей мнимой неприступности данные образования (здесь их принято называть павильонами) не более чем обман зрения. В любой из них можно шагнуть прямо сквозь стенку, хотя обычно за подобные проделки наказывают.

Окрашены все павильоны одинаково – в ртутно-серые тона, поскольку расцвечивать их снаружи, согласитесь, нет никакого смысла. Вокруг каждого в беспорядочном изобилии разбросаны призраки окурков, картонных коробок, даже зонтиков. Скажем, вышло отражение человека из отражения комнаты в глубокое зазеркалье. В руках – авоська. Ну и оставило ее где попало. Конечно, авоська наверняка еще понадобится при возвращении, но в том-то вся и тонкость, что незримому техническому персоналу проще отразить неодушевленную заново, нежели искать, куда она, зараза, подевалась. Только что ведь была!..

Отражение # 1

Неподалеку от павильона строгой, почти кубической формы стоял, а вернее – просто располагался в светло-серой дымке полуразвалившийся кухонный столик, в реальности давно уже не существующий. Месяца три назад он был выброшен вместе с прочим хламом, а вот отражение его, как видим, пригодились. Как, кстати, и отражение старой колоды игральных карт.

Играли по обыкновению в дурака, поскольку преферанс – дело долгое. Один из партнеров в данный момент отсутствовал. Он исполнял роль хозяина квартиры, поэтому со свободным временем у него всегда было туго, чего никак не скажешь о двух прочих картежниках. Оба отражения бывали заняты в зеркале от случая к случаю, ибо друг детства в гости к хозяину забредал редко, а сын от первого брака – еще реже.

– Взял... – ворчливо сообщила зеркальная копия друга детства – полного мужчины лет сорока – и сгребла карты. Помятое лицо, под глазами – устрашающие мешки угольного цвета... Разумеется, на досуге отражение могло бы выглядеть и попрезентабельнее, однако бытует мнение, что, даже покинув павильон, из образа выходить не стоит.

Из слепой серебристо-серой скорлупы кубических очертаний временами слышался напряженный повелевающий голос невидимого распорядителя. Судя по характеру команд,

хозяин квартиры с минуты на минуту собирался выползти на свежий воздух:

– Внимание! Открывает дверь!.. Пошел сквозняк... Третий! Колыхнул паутиной! Еще раз!.. Пятый, занавеску!.. Занавеску вздуй!..

– Ёлы-палы!.. – молвило в сердцах отражение атлетически сложенного юноши (сына от первого брака). – Ну вот что ты прикажешь делать! Хоть бы один козыришка!..

В серой стене павильона открылась, зазияла прямоугольная брешь, явив часть интерьера небрежно обставленной комнаты, и во внешнее зазеркалье вышло, пошатываясь, сильно похмельное отражение Василия Полупалова, одетое по-уличному: ботинки, лыжная шапочка, пальтецо, из кармана которого выглядывает край пластикового пакета... Прикрыв за собой дверь, отражение постояло немного в невеселом раздумье, затем приблизилось к играющим.

– Кранты тебе, дядя Семен! – ликующе объявил юноша. С маху выложил на кухонный столик три карты подряд, а потом вдогонку еще одну. – Понял, как мы вас? Без единого козыря! – Повернулся к задумчивому отражению хозяина квартиры. – Ну чего, Вась, спровадил? Садись, перекинемся...

– Только и осталось... – буркнул тот, но все же присел на свободное отражение табуретки. – Опять за пивом побежал! – сварливо сообщил он. – Сейчас обратно припрется... Если, конечно, менты не загребут по дороге. – Помолчал и

добавил угрюмо: – Совсем спивается, придурок...

– Зеркало-то протер? – поинтересовался юноша, сдавая карты.

– Да лучше б он его не протира! – вспыхнул хозяин. – Так, пыль только тряпкой размазал... Ну вот как в такой мути работать, я вас спрашиваю!

Проигравший толстяк заглянул во вновь полученные карты, насупился.

– Сам виноват... – недружелюбно заметил он.

– Я?! – возмутилось отражение хозяина. – У него в доме бардак, а я, выходит, крайний?

– А то кто же? Я, что ли? Мы ведь их не просто должны отражать, мы их воспитывать должны...

– Ну, завел! – с досадой сказал юноша. – Слышь, дядя Семен, уймись, а? Давай ходи лучше...

Недовольный дядя Семен зашел с червей, однако унять так и не пожелал.

– Ты прости меня, конечно, Вася, – покрхтывая, молвил он, – но без души ты его отражаешь, без души... С холодком. Технично, не спорю, но без души. А ты его так отрази, чтобы ему жить захотелось, пить расхотелось, зеркало как следует захотелось протереть...

– А вот до хрена там! – ощерилось отражение хозяина. – Ишь! Романтика нашел... Нет уж! Реалистом был – реалистом останусь. Пусть видит свою морду – как она есть! Бито...

– Шестеркой, – шепнул у него за плечом некто незримый. – Шестеркой, Вася! Он десяткой покроет, а ты ему... У тебя ж вон две десятки!..

– Цыц! – не оглядываясь, бросил хозяин. – Еще обслуга мне тут подсказывать будет! Иди вон штору колыхай...

– А чего ее колыхать? – обиделся незримый. – Смотреть-то на нее все равно некому! Ушел твой орел и дверь запер...

– А распорядитель? – надменно полюбопытствовал юноша.

– И его нет. Сразу на биржу уваялся.

Все невольно взглянули на радужный шар биржи. Кроме дяди Семена. Хмурился дядя Семен. Опять проигрывал.

– Гляжу я на вас, на молодежь... – с недоброй усмешкой проговорил он, сгребая отражения карт в отбой. – То вам не так, это вам не эдак... Пыль ему, видишь ли, помешала! А вот мы в ваши годы, представь, не ныли, не привередничали... Ты вообще знаешь, где меня первый раз в зеркало приняли?

– Знаю, – буркнул хозяин. – В Коринфе...

– О! – сказал дядя Семен и потряс занесенной картой. – Коринф! – с наслаждением выговорил он, кроя короля козырной семеркой. – А потом еще в Афинах поработать успел... Да-с, это вам, господа лицедеи, не нынешние времена. Золотой Век! Эллада! Античность!.. И ведь в чем отражали-то? В полированной бронзе, черт знает в чем! А какую

культуру отразили!

– Да уж лучше в бронзе, чем в луже...

– А сам ты откуда взялся? Не из лужи, что ль?

– Лужа луже рознь. Однако, опять ты дурак, дядя Семен...

Дядя Семен крикнул и, бросив карты, неприязненно оглядел тонущие в пасмурном полусвете пыльные глубины зазеркалья. Кое-где серая однотонность нарушалась цветными пятнами: там громоздились свалки отыгравших полуразрушившихся отражений комнатной мебели, ныне приспособленных для нужд обитателей сумеречного мира – в основном, для настольных игр.

– М-да, непруха... – вынужден был признать ветеран. – Может, еще разок?

– Да нет, не успеем... – Хозяин поднялся и оглянулся на слепой ртутно-серый куб павильона. – Хотя... Что-то он задерживается, соколик мой! До киоска вроде рукой подать...

– Внимание! – негромко, но внятно прозвучало не поймешь откуда. – Отражение Василия Егорыча Полупалова восемнадцать тридцать шесть – срочно к зеркалу семь эр-ка пятьсот шестьдесят один восемьсот тридцать один!

– Ну точно, опять в вытрезвитель загребли! – желчно сообщил хозяин. – Зла не хватает...

– А разве в ментовке зеркала бывают? – усомнился юноша. – Что-то я о таком даже и не слышал... Может, он в магазин зашел, а ты сразу: вытрезвитель, вытрезвитель!

– А! – Хозяин с досадой махнул рукой. – Что ж у них

там, в магазине, статистов нет? Отразить некому? Делов-то! Мелькнул – и свободен... Нет уж, раз на гастроли вызывают – значит, серьезное что-то... – И неуловимым цветным бликом скользнул в смутные серые бездны – туда, где должна была располагаться изнанка неведомого зеркала за номером семь эр-ка пятьсот шестьдесят один восемьсот тридцать один.

Отражение # 2

То, что труженики зазеркалья, любящие при случае блеснуть выуженным из реальности словцом, гордо именуют гастролями, выпадает на их долю нечасто. Допустим, пригласили человека в дом, где он еще не был ни разу. А там, естественно, зеркало. Конечно, местный распорядитель может не глядя взять в труппу первого безработного, но в приличных зеркалах так не делают. Следует вызов. Прибывает гастролер – желательно, отражающий данного человека не первый год. И пока он исполняет гостя, кто-то (чаще всего, сам распорядитель) присматривается к его работе, а затем отправляется на биржу, где, исходя из увиденного, подбирает нечто подобное – на будущее.

По сути, вызов – это еще и признание твоего мастерства, так что недовольство Василия было, без сомнения, напускным. Польщен был Василий.

– Мужики! – жалобно позвал некто незримый. – А можно я тоже с вами разок в картишки сгоняю? – И рядом со столом робко возникло нечто бледное, вполне человекообразное, хотя и лишенное каких бы то ни было индивидуальных черт. Оно колебалось и подрагивало, готовое растаять в любую минуту – при первом возражении.

– Слышь! – сказал юноша, нервно тасуя карты. – Еще я с обслугой в дурака не играл! Партнер, блин!

Призрак смутился, стушевался. Вообще следует заметить, что отражения людей (или как они себя именуют – персоналии) к невидимым своим помощникам, этому пролетариату зазеркалья, относятся несколько пренебрежительно. Если кого и уважают – то только распорядителя. Ибо распорядитель, хотя и незрим, а отвечает за отразилровку в целом. Поэтому ссориться с ним, ей-богу, не стоит. Он ведь имеет право и от зеркала отлучить...

С прочими же невидимыми тружениками – теми, что ведают неодушевленными предметами – персоналии в большинстве своем не церемонятся.

– Да я – ничего, я – так... – пробормотал призрачный пролетарий, истаивая окончательно. – Пока, думаю, нет никого...

– Не в этом дело, – хмуро заметил дядя Семен. – Просто незачем тебе к видимости привыкать. Ну вот сыграл ты с нами в карты разок, другой... А потом, не дай бог, забудешься да и проявишься по старой памяти – прямо в павильоне! Да еще в таком виде! Это ж разрыв сердца патентованный...

В отличие от более молодых собратьев по ремеслу, толстый дядя Семен с обслугой беседовал запросто. Учитывая древность своего происхождения (в Коринфе, чай, начинал – не шутка!), ко всей этой юной поросли, зримой и незримой, он относился совершенно одинаково.

– А что, и такое было? – поинтересовался юноша.

– Ты это насчет чего?

– Н-ну... забылся – и проявился...

– Еще как! – всохотнул ветеран зазеркалья. – На моей только памяти – раза четыре, если не больше! Все эти байки о привидениях, думаешь, откуда пошли? Обслуга шкодила.

– И что им за это?

– Вышибут из зазеркалья – и все дела! Иди вон облака по озеру взад-вперед тягай... Ладно, сдавай.

Юноша раздал карты.

– Ну, нас тоже за такие штучки гоняют... – заметил он с важным видом. – Только на святки и оттянешься... – Что-то, видать, вспомнил и ухмыльнулся от уха до уха. – Прибегают под Рождество с соседнего стеклышка. «Слышь, – говорят, – там у нас хозяйка на старости лет совсем ума лишилась, суженого хочет в зеркале увидеть. Иди, покажись». Ну, я – чего? Пошел, показался. Смеху было! Представляешь: семьдесят лет карге – и вдруг моя морда...

– На святки – можно... – глубокомысленно подтвердил дядя Семен, изучая карты. – Ну-с, а вот мы вам сейчас...

– С туза... – отчаянно прошелестело сзади. – С туза зайди...

– А ты, чем советы давать, – веско молвил дядя Семен, заходя с девятки треф, – лучше столом займись, если делать нечего. От ножек скоро вон одно воспоминание останется...

Действительно, кончики ножек уже начинали понемногу таять и распадаться. Да и углы столешницы тоже. Изъятая из зеркала неодушевленный долго не живет.

Ветеран зазеркалья наконец-то выиграл – и повеселел.

– Отыгрываться будешь? – спросил он.

– Хватит, надоело... – Юноша отложил колоду. – Дядя Семен! А как там оно было... в Элладе?

– Н-ну... – Ветеран в затруднении огляделся. – Как тебе сказать, Егор? Зазеркалье – оно и в Древней Греции зазеркалье. Поменьше, правда, помутнее, да и отлив другой... Такое, знаешь, смугловатенькое... Ну, понятно! Зеркала-то из чего делали? Медь, бронза...

– Да нет, я не о том! Кого ты там отражал-то?

– Хм... – Ветеран с самодовольным видом огладил черные мешки под глазами. словно усы расправил. – Отражал, Егорка, отражал... Кого только не отражал! Люди были – нынешним не чета. Аминокл, сын Крестина – слышал про такого? – Сдвинул брови, покосился на радостно осклабившегося Егора. – Да ты не скалься, не скалься! Смешно ему! Этот Аминокл, между прочим, когда флот Ксеркса разбился, такое состояние нажил, что другим и не снилось...

– И ты его отражал?

– Ну, не совсем его... – уклончиво отвечал дядя Семен.

– А кого?

– Раба его...

– А-а... – Егор был явно разочарован.

Ветеран обиделся.

– Ты это чистоплюйство свое брось! – прикрикнул он. – И вообще запомни: не бывает плохих людей – бывают только

плохие отражения. Уразумел?

Помолчали. Конечно, жизненный опыт их был несопоставим. У Егора – первое зеркальное воплощение, а у дяди Семена – трудно даже сказать, какое. Похоже, он и сам уже сбился со счета. Честно сказать, с памятью у отражений еще хуже, чем у нас. И хотя дядя Семен заговаривал об античности часто и с удовольствием, мало что в нем осталось от древнего грека. Да и немудрено: вон сколько веков прошло!

– Ты вот, чем тут со мной в картишки резаться, лучше бы на биржу заглянул... – посоветовал вдруг ветеран. – Посмотри, потолкайся, распорядителей поспрошай: как, что? Очередь займи...

– Успею еще, – беспечно отвечал Егор. – Какие наши годы!

– Ну это как сказать, – зловеще ухмыльнулся дядя Семен. – Человек, он, знаешь, сегодня – есть, завтра – нет. Вот пришибут твоего Егорку дружки – что делать будешь?

Юное отражение тревожно задумалось на секунду.

– Ага! Пришибут! – презрительно проговорило оно. – Как бы он их сам не пришиб!.. Ничего! Здоровый. Отмашется.

– А наркоты переберет?

На этот раз юноша задумался надолго.

– Или Васенька наш, не дай бог, зеркало расколошматит по пьянке, – продолжал травить душу ветеран. – В осколочки ты не пойдешь – ты уже к большому формату привык... Так?

Егорка мрачнел на глазах.

– Если расколошматит – это всем нам кранты, – угрюмо сказал он. – И тебе тоже.

– За меня не волнуйся, – насмешливо, с превосходством заверил дядя Семен. – Не пропаду... На бирже меня тыщу лет знают, и потом – я ж характерный! Бомжа отразить? Отражу... Панка? Запросто... Да хоть референта туркменбаши!

– А путану?

Ветеран побряхтел.

– Нет... – признался он со вздохом. – Путану, пожалуй, не смогу. Женщины для меня, Егорушка, до сих пор загадка...

Егор покусал губу.

– А вообще часто приходилось без работы болтаться?

– Да сплошь и рядом! Я же о чем с тобой толкую-то? Не замыкайся, не замыкайся ты на своем Егорке! Выпало свободное время – одного попробуй из себя слепить, другого... А иначе – придешь на биржу, там тебе скажут: «Покажи, что умеешь!» Ну, ты им, понятно, Егорку... «Ну что? – скажут. – Хороший Егорка! Нормальный Егорка! А ну-ка еще кого-нибудь? Хотя бы в общих чертах...» Вот тут-то ты и сел... Это, знаешь, как называется? Отражение одного человека. Скорчил рожу – да при ней и остался! Ох, сколько я их таких перевидал... Он бы и рад кого другого отразить – не может, Егор, не может! А то бывают еще такие, которые и могут, да не хотят...

– Это как?

– Самый тяжелый случай... – помолчав, хмуро молвил дядя Семен. – Привяжется отражение к человеку – и больше никого уже знать не желает. Человек умер давно, а отражение так и бродит себе по зазеркалью. И ладно, если просто бродит! А то ведь еще и в зеркало влезть норовит...

– Ух ты! – Егор зябко передернул плечищами. – Это, пожалуй, покруче будет, чем с обслугой! И что с ними потом – с такими?

– То же самое. Персоналия нон грата! Слышал такую хохму? Под зад коленом – и привет!

– Да нет... Я про тех, которые в зеркало не лезут, а просто бродят...

– Стол видишь? – спросил дядя Семен.

Егорка моргнул, потом опасливо покосился на расплывшийся, подтаявший угол столешницы – и как-то сразу осунулся, видимо, представив, что нечто подобное происходит с ним самим. Жутко все это. Рыба тухнет с головы, отражение распадается с лица. А главная жуть в том, что само-то оно этого не замечает...

Интересно, сколько времени можно продержаться, не подходя к зеркалу? Год? Два?... Во всяком случае, не больше...

Отражение # 3

Из тягостного раздумья Егора вывел голос дяди Семена.

– Ну, что? – задумчиво промолвил ветеран, поглядывая на заметно сместившийся сплюснутый шар биржи. – Мнится мне, что Васятку нашего забрали надолго. Пойдем, Егор, кое-что покажу... – И, встав, направился к серой коробке павильона.

Егор растерянно посмотрел ему вслед.

– А бугор вернется? – напомнил он.

– Вряд ли, – не оглядываясь, отозвался ветеран и шагнул в павильон прямо сквозь стенку.

...Отражение комнаты было и вправду мутновато. Если бы не старый стеллаж с пропылившимися книгами – типичная берлога алкоголика: строй готовых к сдаче пустых бутылок под окошком, свесившийся с дивана матрас, затоптанный и прожженный в нескольких местах ковер...

– Да, – с сожалением констатировал дядя Семен. – Со стеклышком он, конечно, того... зря...

Изнанка новенького зеркала смотрелась удручающе: двойные размашистые разводы, оставленные влажной тряпкой, успели засохнуть – и теперь отражение воздуха в пограничном зазеркалье казалось слоистым.

– Ну вы, ребята, совсем обнаглели! – жалобно проскулил кто-то из невидимой obsługi. – Куда ж вы в павильон? Да

еще сквозь стену! Не положено ведь... Дядя Семен! Ну ты-то вроде постарше! Нам же за вас влетит...

– Примолкни, – вполне дружелюбно посоветовал дядя Семен – и жалобный голосок примолк.

Егорка боязливо поглядывал на пустой прямоугольник зеркала. Дико ему было и непривычно находиться в павильоне просто так, не видя напротив своего двойника, все движения которого следует незамедлительно угадывать и повторять.

– А чего мы сюда, дядя Семен? – спросил он полушепотом.

Вместо ответа тот нагнулся, кряхтя, и извлек из-под стола отражение крупного зеркального осколка, похожего на лезвие ятагана.

– Эх ты! – сказал Егор. – Это откуда? Дай глянуть!

– Все, что осталось от старого зеркала, – пояснил дядя Семен. – Я так думаю, что Васька его незадолго до нас долбанул. Остальное-то стекло вынесли, а это – вроде и на виду лежит, а проглядели...

– Вот попомни мои слова... – злобно шептались в пустом углу. – Нарочно потом на место не положит...

Там колыхалась похожая на рваный чулок паутина.

Бережно приняв зеркальный ятаганчик обеими руками, Егорка с трепетом заглянул в него – и увидел свою сведенную гримасой физиономию.

– Слушай... – потрясенно выдохнул он. – А нас-то там кто

отражает?

Дядя Семен крикнул, поскреб в затылке.

– А хрен его знает! – ответил он со всей искренностью и забрал стекло. – Штору задерни... А сам в угол отступи. Вон в тот, в правый...

Егор повиновался. В комнате совсем потемнело. Сиял лишь прямоугольник настенного зеркала. Окошко в реальный мир.

Дядя Семен передвинул стул и, сев к зеркалу спиной, стал смотреться в осколок. Смотрелся долго. Губы его шевелились.

– И чего? – спросил наконец Егор.

Ветеран недовольно на него покосился, но стекло опустил.

– Значит, так, – сказал он, поднимаясь. – Вот загулял твой Егор, вторую неделю носа не кажет... Тогда что? Тогда приходишь сюда, когда нет никого, закрываешь штору, садишься и смотришь... А сам ругай его, ругай по-всякому... Понял?

– И что будет?

– Иногда ничего. А иногда, глядишь, и объявится вскоре.

С огромным сомнением юноша взял осколок и сел. В зеркальной плоскости ятаганчика обозначился темный очерк коротко стриженной головы с оттопыренными ушами.

– Ты! Козел! – неуверенно сказал Егор своему отражению.

Тут же заподозрил, что дядя Семен просто его разыгрывает, хотел было встать, как вдруг стекло подернулось рябью

– и Егор увидел прямо перед собой исковерканное злобной радостью незнакомое женское лицо. Отпрянул. Лицо исчезло.

– Чего там? – с интересом спросил дядя Семен.

Егорка моргал.

– Баба какая-то... – пробормотал он.

– Баба? – озадаченно переспросил дядя Семен. – Хм... Любопытно. Ну-ка, дай...

Каждый повторил опыт по разу, но ликующая фурия в осколке так больше и не появилась.

– М-да... – разочарованно произнес дядя Семен. – Зазеркалье, зазеркалье... Черт ногу сломит!

Положил осколок на стул и, покачивая головой, двинулся к выходу.

– Видал? Нет, ты видал, что творят? – прошелестело в углу. – Раскидали все – и пошли, будто так и надо...

– Дядь Семен! – растерянно окликнул Егор.

Тот обернулся.

– Слушай! – Юное отражение, таинственно округлив глаза, тыкало пальцем в светлую изнанку настенного зеркала. – Мы-то думаем: реальность, тоси-боси... А вдруг они там тоже кого-то отражают?

Ветеран задумался на секунду.

– Да наверняка, – бросил он, покидая коробку павильона.

Отражение # 4

Впечатлительный Егор долго не мог прийти в себя. Карты из рук валялись. Мысль о том, что кто-то в зазеркалье-2 точно так же подшутил над ним, как он сам приколотся под Рождество над суеверной старушенцией, явившись ей в качестве суженого, честно говоря, наводила оторопь.

– Дядя Семен, – спросил он с неловкостью. – А сколько вообще зазеркалий?

– До чертовой матери и больше, – компетентно отозвался тот. – Помню, беседовал я в Александрии с отражением одного гностика...

– Чего? – не понял Егор.

– Ну так зазеркалье-то крохотное было, не то что теперь! – тоже не уловив сути вопроса, пояснил ветеран. – С каждым общаешься запросто, вроде как в деревне. Так вот он мне все это, Егор, оч-чень подробно изложил... До чертовой, говорит, матери, Деметрий! Меня тогда Деметрием звали... Или Проклом? – Нахмурился озадаченно. – Нет, все верно, Деметрием. Проклом – это раньше...

Егор хотел выпросить о веренице зазеркалий подробнее, но тут что-то заставило обоих собеседников вскинуть глаза.

– Вот он, наш гастролер, – промолвил дядя Семен – и ошибся.

Стремительный цветной блик, метнувшийся к ним из раз-

мытых глубин сумеречного мира, обернулся вовсе не Василием, а приятным мужчиной лет опять-таки сорока – лысоватым, с бородкой, в очках.

– А, дядя Леня... – приветствовал его Егор. – Ну и как там, на бирже?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.